

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

ГЕН РАЗВЕДЧИКА

Максим Анатольевич Шахов

Ген разведчика

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3004155
Ген разведчика: Эксмо; М.; 2012
ISBN 978-5-699-54259-8

Аннотация

В Египте похищен сотрудник российского посольства Андрей Веретенников. Местные бандиты продали его шейху Аль-Кадибу, который намеревается сделать гяура зомбированным убийцей. И объект убийства уже определен – правитель Саудовской Аравии... Теракт, вероятно, и случился бы. Но коварный шейх не знал, что Андрей – внук генерал-полковника Журавлева, руководителя российской секретной антитеррористической организации. Генерал не имеет санкций на официальные действия – не тот масштаб похищенной персоны, – но у него всегда наготове группа лихих спецназовцев, обученных проводить молниеносные тайные операции...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Максим Шахов

Ген разведчика

Пролог

– Твою мать! – выругался Андрей и со злостью хлопнул ладонями по рулевому колесу, обтянутому кожаным чехлом, когда перед его «Рено» вылетел обшарпанный микроавтобус. – Ты где права получал?!

Вопрос был больше философский, чем практический. Какие водительские права могут быть в Египте, если здесь за рулем сидят те, у кого была возможность купить машину, или те, кто на транспортном средстве зарабатывает себе на жизнь?

И вообще, от Египта Андрей был не в восторге. Конечно, сюда можно приехать на отдых, погреть пузо под жарким солнцем, понырять с аквалангом или оттянуться в гостинице, где «все включено», а вот работать – адовы муки. Тем более что работа должна приносить не только доход, но и моральное удовлетворение.

Должность мелкого чиновника в посольстве Андрею Веретенникову, потомственному дипломату, не то что не приносила удовлетворения – она ему была противна. Порой парню казалось, что он просто спит и все происходящее не более чем неприятный сон.

Детства у Андрея как такового не было. За границей он проживал в дипломатических миссиях, друзей мальчику заменял спорт. В Корее изучал тэквондо, в Японии джиу-джитсу и кэндо. Когда отца перевели с Дальнего Востока в Европу, Андрей увлекся боксом и стендовой стрельбой. Со своими увлечениями он был белой вороной среди сверстников по дипломатическому поселку, те делали упор на гольф и большой теннис. Но Андрея чужие увлечения и мнения мало волновали. В лицо что-либо высказать ему никто не решался – в свои шестнадцать лет парень достиг роста метр девяносто и весил восемьдесят килограммов. Да и звания кандидата в мастера спорта по боксу, стрельбе и фехтованию также остужали пыл особо недовольных и заносчивых.

Когда после школы встал вопрос о дальнейшей Веретенникова судьбе, а МГИМО оканчивали почти все члены его семьи, Андрей решительно заявил, что будет поступать в Институт внешней разведки имени Андропова. Ведь у него, как он сам считал, есть все шансы на зачисление, кроме превосходной родословной – дед видный партийный функционер, отец дипломат, – спортивные разряды, в совершенстве владел пятью иностранными языками, да и интеллект имел выше среднего. Мать постаралась, все-таки дочь академика и искусствоведа с мировым именем.

Вполне возможно, все бы вышло, как он задумал – в конце концов, родители не возражали, – но тут вмешалась бабушка.

Элеонора Максимовна, женщина с внешностью и статью королевы, ко всему еще обладала и волевым характером, который не хуже кузнечного пресса гнул всех под нее. Ни отец в свое время, ни мать не смели перечить бабушке; та же участь не миновала и Андрея, которого она воспитывала до шести лет.

– Ты, потомственный дипломат, решил стать шпииком? – узнав о решении внука, в сердцах вскричала Элеонора Максимовна.

– Не шпииком, а разведчиком, – спокойно ответил Андрей, он всеми силами пытался противостоять гнету бабули. – Они мало чем отличаются от дипломатов.

– Может, я тебе должна быть благодарной за то, что ты выбрал карьеру лазутчика, который ради достижений каких-то мифических и сомнительных целей будет подслушивать, подглядывать, рыться в чужом белье и, вполне возможно, даже в отходах продуктов челове-

ческой жизнедеятельности, а не, скажем, принял решение стать солдафоном, вечно гонимым по гарнизонам и «горячим точкам»? Воняющим портянками, перегаром, потом?! – От истерического крика лицо Элеоноры Максимовны угрожающе побагровело, в уголках некогда чувственного рта запузырилась пена. – Спасибо за великодушие, внучок! – Она попыталась отвесить низкий поклон, но, едва склонившись, кулем свалилась всем телом на ковер.

Врачи в ЦКБ¹ констатировали серьезный гипертонический приступ, и тогда Андрей впервые пошел на поводу у своей семьи, сдал документы в Институт международных отношений...

«Почему, ну почему я тогда смалодушничал и сейчас малодушничая?» – уныло подумал молодой дипломат.

Площадь, через которую пролегал его маршрут, оказалась забитой плотным автомобильным потоком. Видимо, в очередной раз ишак с автомобилем не смогли разминуться.

– Это надолго, – вслух с досадой проговорил Андрей.

Время поджимало. Чтобы объехать пробку, он сдал назад и свернул в узкий грязный переулочек. Следя за тем, чтобы не черкнуть серебристым боком своего «Рено» угол дома или не задеть какого-нибудь зеваку-пешехода, молодой человек напряженно размышлял о своем.

... Действительно, первый раз Андрей поступился своими принципами и желаниями, когда скрепя сердце согласился стать дипломатом. Учеба давалась ему легко, поэтому, кроме увлечений спортом, парень мог позволить себе и маленькие человеческие радости – ночные клубы, вечеринки, женщин. Институт окончил с довольно высокими оценками. Распределение получил в посольство в Египте, хотя стажировку проходил в Норвегии.

– Это даже хорошо, что ты попал на Восток. Я тоже начинал с Востока, только Дальнего, а теперь, видишь, чего добился, – сказал ему отец не без скрытой гордости. Роман Семенович, со дня своего рождения полностью подавленный своенравной матерью, был человеком тихим и незлобивым. Ему было хорошо известно, что в Осло поехала дочка одного из заместителей министра рыбной промышленности, прыщавая дура, получавшая зачеты благодаря влиятельному отцу. – А теперь я возглавляю целый отдел в Министерстве иностранных дел, и мне не надо мотаться по миру, и вполне возможно, что со временем...

О том, что со временем он может стать заместителем или даже самим министром, старший Веретенников говорить не стал – это была его тайная, заветная мечта, которую Роман Семенович боялся спугнуть.

На слова отца Андрей ничего не ответил, ему было все равно – Египет, Конго или Парагвай, лишь бы подальше от Москвы, подальше от опеки родственников.

Каир встретил его жарой, а работа оказалась совершенно неинтересной. Но уже через месяц младший Веретенников адаптировался, перезнакомился с большинством сотрудников дипломатической миссии, узнал главный принцип своей должности – «не попадаться начальству на глаза, чтобы не делать чужую работу», и едва ли не главное нашел для себя – «предмет воздыханий». Вика работала референтом в секретариате посла. Высокая, длинноногая, с упругой грудью и глазами доверчивой телушки, она с удовольствием скрасила его унылое существование. Казалось бы, жизнь налаживается... Но не тут-то было. Через два месяца в Каир собственной персоной заявила бабуля (при наличии денег это путешествие не сложно в любом возрасте) и, едва перешагнув порог, сразу же взяла ситуацию под свой контроль.

Жесткая и прямолинейная женщина, Элеонора Максимовна не стала ходить вокруг да около, а «ударила в лоб».

---

¹ ЦКБ – Центральная клиническая больница, известная в народе как «кремлевская», обслуживает высших чинов государства и их семьи.

– Бобылем ты, Андрей, в дипломатии не сделаешь никакой карьеры. На Смоленской площади не любят людей, у которых ничего нет... Нет корней, скажем так.

– Так ты что, предлагаешь мне срочно жениться? – пытаюсь скрыть рвущееся наружу раздражение, спросил внук.

– Не торопись. Как сказал классик, «жена не рукавица, за пояс не заткнешь и с ладони не стряхнешь». Партию следует подбирать тщательно; теперь профессорские дочки, как твоя мама, уже никому не нужны.

Андрей почувствовал, как раздражение перерастает в злость. Его мать, Елена Сергеевна, была высокообразованной и при этом тихой, никогда не перечашей свекрови женщиной. За что она ее так?

– Теперь приоритеты изменились: родители невесты должны быть либо очень влиятельны, либо очень богаты. Влияние – вещь ненадежная, в любой момент можно повторить в обратном порядке формулу «из грязи в князи». А вот богатство – это другое дело. Как говорится, «бриллианты – они навсегда».

– Бабуля, у меня нет на примете ни одной дочки олигарха или хотя бы его вдовы. – Раздражение внука достигло своего пика.

– Зато у меня есть, – с достоинством произнесла Элеонора Максимовна и с гордым видом подбоченилась, выкладывая на стол веер глянцевых фотографий, с которых на Андрея смотрела миловидная блондинка с большими карими глазами.

«Крашенная, немного полноватая, и нос птичьей формы. Но в целом на твердую четверку», – молча рассматривая снимки, молодой дипломат давал оценку претендентке в жены.

А бабушка тем временем с воодушевлением продолжила:

– Яна Негрицкая, единственная дочь Давида Негрицкого. Получила два высших образования в Сорбонне и Оксфорде, хотя не могу сказать, что она эрудированна и начитанна, как твоя мать.

– Так что же получается, она лет на пять старше меня? – сразу подсчитал разницу в возрасте внук.

– Семь, – нисколько не смутилась бабушка и поспешно добавила: – С учетом того, что женщины живут дольше мужчин, разница незаметна. Зато ее отец полномостный хозяин корпорации «Платина России». Ну, как, впечатляет?

– Бабушка, я сам буду решать свою судьбу. Можно?

– Ты хочешь сказать, что я мешаю тебе жить? Может, мне уже пора к дедушке в колумбарий? – ледяным тоном произнесла Элеонора Максимовна, ее лицо приобрело уже знакомый Андрею угрожающе-бордовый оттенок, и тогда он пошел на попятную во второй раз.

И началось знакомство почти вслепую. Бабушка регулярно высылала диски с видеозаписями о жизни «платиновой» принцессы. Несколько раз молодые люди созванивались, хотя особого удовольствия от этих разговоров Андрей не получил.

Теперь он смалодушничал в третий раз, направляясь в аэропорт, чтобы встретить прилетевшую в Египет потенциальную невесту...

«Рено» наконец проскочил лабиринт узких улочек арабского квартала и, свернув на проспект, влился в автомобильный поток. Пробка осталась далеко позади, теперь можно прибавить скорость, и Андрей нажал на педаль газа. Он уже был на окраине Каира, когда автомобиль нагло подрезал небольшой грузовичок с кузовом, закрытым полиэтиленовым тентом.

– Твою мать, верблюд трехгорбый! – в очередной раз выругался Веретенников, напрочь позабыв о дипломатической этике, как вдруг заметил, что подрезавший его грузовик не умчался, а проехав немного вперед, прижался к обочине. Нога рефлекторно нажала педаль тормоза до упора. – Ну, козлина, держись, хоть одному я сейчас яйца оторву и заставлю сожрать!

Закипая от злости, он хлопнул дверью и широким шагом направился к водителю грузовика. Но, как только оказался у борта, из кузова выскочили трое мужчин. Лица их были прикрыты клетчатými арабскими платками – куфиями, у одного в руке блестел длинноствольный револьвер, другой угрожающе сжимал черную бейсбольную биту, и только третий был не вооружен, зато здоровый, как Геракл.

Андрей резко обернулся на звук мягко спрыгивающих на асфальт людей – в лицо ему смотрел зрачок револьверного ствола. Правая нога дипломата взметнулась вверх и обрушилась на голову незнакомца с такой силой, что тот, отлетев, ударился о борт кузова и повалился на раскаленный асфальт.

Второй нападающий едва успел занести над головой свою биту, как получил ногой сокрушительный удар в пах, затем ему, уже согнувшемуся, в качестве довеска в голову полетела боксерская «двойка», обеспечивая надежный нокаут.

С третьим вышло намного сложнее – он был не только огромным, как медведь, но и быстрым, как дикая кошка. Налицо специальная подготовка. Мужчины сперва осыпали друг друга беспорядочными ударами, потом сцепились, как борцы на ристалище. В это время к грузовику неслышно подкатил угловатый черный внедорожник «Мерседес», из открытого бокового окна появилась рука, сжимающая пластмассовый предмет, похожий на пистолет. Это был «Taser», дистанционный электрошокер. Едва слышный щелчок – и в спину Андрея воткнулись две иглы, от которых тянулись тонкие, едва заметные провода. Мощный удар тока в пятьдесят тысяч вольт сбил дипломата с ног и надолго выключил сознание.

Распахнулась задняя дверца «Мерседеса», из внедорожника выскочили двое молодых людей, они проворно загрузили бесчувственное тело в машину, потом забросили оглушенных боевиков в кузов грузовика. Через минуту обе машины сорвались с места. У обочины остался стоять одинокий серебристый «Рено»...

Глава 1

Генерал-полковник Журавлев возглавлял антитеррористическую организацию, называвшуюся «Комитетом информации». Эта структура была во много раз секретнее ФСБ, СВР и ГРУ. Кроме того, «Комитет» подчинялся напрямую исключительно президенту России.

Едва генерал вошел в приемную своего кабинета, как из-за стола вскочил референт.

– Андрей Андреевич, вам звонили, – проговорил он, скосил взгляд на пухлый ежедневник и уточнил: – Некая Элеонора Максимовна Веретенникова. Просила, чтобы вы ей перезвонили, номер телефона я записал.

– Хорошо, занеси, – на ходу бросил Журавлев, открывая дверь кабинета. – Да, и заодно приготовь мне чай с лимоном.

Сев за свой стол, генерал включил компьютер, положил перед собой пачку чистых листов и ручку. Его лицо было бесстрастным, а действия механическими. Все это он проделывал, чтобы убить несколько минут ожидания.

Наконец в кабинет неслышно вошел референт, молча поставил на стол чай (стакан позвякивал в старомодном мельхиоровом подстаканнике) и положил прямоугольник картона, на котором аккуратным почерком был выведен номер телефона.

– Еще что-то? – спросил офицер, замерев истуканом напротив стола.

– Нет, – покачал головой начальник «Комитета информации». – Спасибо, вы пока свободны.

Оставшись в кабинете один, он мог дать волю своим эмоциям и расслабить мышцы лица. Сделав большой глоток чая, закрыл глаза. Именно такой напиток он любил – горячий, сладкий, с кислинкой.

Элеонора Веретенникова – это женщина, о которой он старался не вспоминать больше сорока лет. Старался, но так выходило только первые десять лет, когда лейтенант (позже капитан и даже майор), изрядно выпив по какому-либо случаю, вдруг набирался пьяной храбрости и, вспомнив о ней, рвался позвонить, ворваться в ее квартиру и похитить, а еще лучше вызвать мужа на дуэль. Но, слава богу, выдержка разведчика брала верх над пьяным угаром. Он ни разу ей не позвонил, не выламывал двери в квартире и тем более не требовал сатисфакции. Даже друзьям никогда об этой женщине не рассказывал.

Душевной ране предшествовало случайное знакомство на выставке голландцев в Художественном музее, внезапная вспышка страсти. А вот когда страсть переросла в настоящую любовь, женщина его предала. Ушла. Растаяла как сон, как утренний туман, без слез, без объяснений и обвинений.

Как же он тогда мечтал о подобной ситуации, когда жизнь внезапно их столкнет, и вот наконец... А теперь он сидел в своем генеральском кабинете и не знал, как поступить. Недаром же говорится: «Будьте осторожны в своих желаниях, иногда они исполняются».

В несколько глотков допив чай, Журавлев отодвинул на край стола стакан и, придвинув поближе телефон, набрал номер. Ответили почти сразу.

– Слушаю, – прозвучал в трубке до боли знакомый бархатный грудной голос, которой он сразу узнал даже через годы.

– Это Журавлев, – сухо представился генерал.

– Здравствуй, Андрей.

– Здравствуй, Элеонора.

– Мне очень нужно с тобой увидеться. Когда ты сможешь?

Она всегда была слишком прямой, как стрела, летящая к цели, говорила то, что думала, и терпеть не могла словесной шелухи.

– Давай сегодня в нашем ресторане, – произвольно вырвалось у Журавлева.

– Хорошо, я буду через два часа, – коротко сказала Веретенникова и отключила связь.

Андрей Андреевич с шумом отодвинул кресло и встал из-за стола. Его сердце билось, как в ту пору, когда он был мальчишкой-лейтенантом. Эмоции переполняли. Пройдя кабинет по диагонали, решил позвонить домой и вернулся к столу.

– Здравствуй, родная. Нет, ничего экстраординарного, просто служба. Буду задерживаться, позвоню позже. Ну, все, целую.

Для чего он это сделал, генерал не смог ответить даже себе самому. Но что сделано, то сделано. Он провел рукой по коротко стриженным волосам и толкнул дверь, ведущую в комнату отдыха. Следовало переодеться перед встречей...

Отдельный кабинет в ресторане «Прага», их любимом месте, Журавлев заказал заранее. Перед генералом стояла бутылка дорогого французского вина и ваза с фруктами, на уголке стола лежала пышная алая роза, а он, убеленный сединами государственный муж с грузом прожитых лет за плечами, ощущал себя молоденьким лейтенантом. Как будто не было прошедших – скорее, пролетевших – сорока с лишним лет... Сердце вновь учащенно забилось, ладони увлажнились.

– Здравствуй, Андрей.

Как ни ожидал он этой встречи, произошла она неожиданно. Возле стола стояла высокая, худая женщина, как всегда, со вкусом одетая. На ней был элегантный костюм, сочетавший черный и красный цвета, на голове каким-то чудом удерживалась миниатюрная круглая шляпка с вуалью, прикрывающей верхнюю часть лица. Но внутреннее состояние выдавали руки, теребившие ручки лакированной сумочки.

– Здравствуй, Эля, – Журавлев порывисто встал и протянул женщине розу.

И тут же напряжение прошедших нескольких часов бесследно исчезло – сердце успокоилось, дыхание восстановилось. Тот чарующий образ любимой, который генерал хранил все это время в памяти, стерся моментально. Время сделало свое дело – перед ним стояла пожилая женщина, которую можно было сравнить разве что с розой из гербария. Но показать свое разочарование он не мог (не так воспитан российский офицер).

– Прошу, – Андрей Андреевич галантно отодвинул стул, приглашая Элеонору присесть. Указывая на бутылку с французским вином, извиняющимся тоном произнес: – «Черного доктора» у них не оказалось, пришлось заказать «Пинофран».

– «Черный доктор»... как же давно это было... – Элеонора Максимовна подняла вуаль и грустно улыбнулась; ее темные глаза, обрамленные черными кругами, подернулись от воспоминаний поволокой. – Это вино у меня ассоциируется с Сочи, маленьким домиком на берегу моря, запахом цветущих магнолий... молодостью.

– Да, – сдержанно ответил генерал, – я помню. Мы пили вино под жареную барабульку, а по ночам закусывали фруктами из хозяйского сада.

Журавлев замолчал, взял бутылку и на треть наполнил бокалы рубиновым напитком.

Неловкая пауза затянулась, и Элеонора Максимовна решила разрядить обстановку:

– Андрей, мы с тобой расстались внезапно и не по твоей вине.

– Да чего уж там вспоминать, – генерал-полковник поднял бокал, пригубил, вино обладало оригинальным терпковатым вкусом.

– Нет, нужно вспомнить. Тогда я поступила с тобой подло, за это теперь, наверное, и расплачиваюсь.

– То есть?

– Ты помнишь, как мы познакомились?

– Да, в Художественном музее.

– Так вот, эта встреча не была случайной.

– Ты о чем говоришь?

– Мой супруг, Семен Яковлевич Веретенников, был старше меня на двадцать один год. Во время Великой Отечественной войны он был офицером по особым поручениям у секретаря Ленинградского обкома партии Андрея Александровича Жданова и всю блокаду провел рядом с ним. После войны окончил Военно-дипломатическую академию, работал в Европе, Индии, Австралии. Его первая супруга, Варвара, из Ленинграда не эвакуировалась, осталась с ним. В результате пережитое – голод, холод, лишения – подорвало ее здоровье, окончательно встать на ноги она так и не смогла, умерла в пятьдесят восьмом...

– Конечно, это очень интересно, но зачем мне знать историю твоей семьи, Эля? – попытался остановить излишние женщины Журавлев, но та выставила перед собой ладонь и упрямо склонила голову.

– Нет, Андрей, ты должен услышать все до конца, чтобы понять, что произошло. В шестьдесят втором меня познакомили с Веретенниковым, через год мы поженились. Прожили пять лет, но детей не было, по этому поводу Семен Яковлевич сильно переживал. Мы вместе обследовались в Центральной кремлевской больнице, я была полностью здоровой, а вот Веретенников... – Женщина замолчала, потом схватила бокал и, будто мучимая жаждой, совсем не в аристократическом порыве осушила его. – В сорок втором году Семен ехал по Дороге жизни и попал под артобстрел. Машина провалилась под лед, мужу и водителю чудом удалось спастись. И, как выяснилось позже, эта ледяная купель не прошла даром... Лечиться было бесполезно. Об искусственном оплодотворении в то время никто не знал, поэтому после долгих разговоров и мучительных терзаний мы решили, что я должна забеременеть от другого мужчины.

Уставившись на женщину округлившимися глазами, Журавлев машинально выпил до дна, казалось, даже не заметив этого, и вновь до краев наполнил оба бокала.

– Боевой товарищ Семена, тогда уже генерал-майор КГБ, отнесся к просьбе мужа предоставить список молодых офицеров армии и безопасности с пониманием. Мой выбор пал на тебя, Андрей. Ты был красив, образован, любил живопись...

Женщина взяла бокал за тонкую ножку, на этот раз едва смочив губы.

– Мы действительно познакомились в Художественном музее, если помнишь, ты мне долго рассказывал о творчестве своего любимого художника Ильи Репина. А потом завертелся наш дикий, безумный роман, который длился почти полгода...

– Без трех дней четыре месяца, – глухо произнес Журавлев, резким движением отодвинув бокал.

– Да, ты прав, четыре месяца, – эхом вторила ему женщина. – Когда мы вернулись из Сочи, врач определил три недели беременности.

– Моя миссия была выполнена. Как говорится, мавр сделал свое дело, мавр может уходить.

– Я родилась и выросла в семье потомственных интеллигентов, и для нас слово «долг» – не пустой звук. И не важно, долг родине или семье. По-другому поступить я не могла, за что теперь и расплачиваюсь.

Женщина подняла глаза и посмотрела на генерала полным муки взглядом, слезы блестели, как осколки бриллиантов. Но лицо Журавлева оставалось непроницаемым, как посмертная маска.

Элеонора Максимовна открыла сумочку и достала кружевной батистовый платочек, прижала к глазам, вновь пригубила вино.

– У нас родился сын, назвали его Романом. Когда он поступил в МГИМО, Семен Яковлевич скончался от обширного инфаркта. Но остались его друзья, коллеги, подчиненные и, как только Рома окончил институт, помогли ему с дальнейшей карьерой – он работал на Дальнем Востоке, потом в Бельгии, теперь в МИДе на руководящей должности.

Женщина вновь открыла сумочку, достала тонкую пачку цветных снимков и по одной стала протягивать генералу. С фотографий жизнерадостно смотрел ухоженный пухлощекий подросток, потом заметно подросший, модно одетый юноша, потом молодой человек с девушкой на фоне Эйфелевой башни...

Андрей Андреевич просматривал снимки с каменным лицом, складывая в аккуратную стопочку.

– А это мое счастье и моя радость...

Голос Веретенниковой дрогнул, горло сжал нервный спазм. С фотографии на Журавлева смотрел высокий парень. Чем-то неуловимо он был похож на сына Элеоноры, только внешне тот выглядел слишком уж мягким, в этом же, наоборот, чувствовались жесткость и воля.

– Внук? Тоже дипломат?

– Да. Андрей. Его родители по границам разъезжали, а я занималась воспитанием мальчика. Постаралась вырастить из него настоящего мужчину. Когда Андрей окончил школу и встал вопрос, куда идти учиться, он твердо решил поступать в Институт разведки, но я сумела настоять, чтобы он, как и его отец, поступил в МГИМО. По его окончании он работал в Каире...

Элеонора Максимовна прервала свою речь на полуслове, внезапно схватилась за сердце, судорожно раскрывая рот, будто ей не хватало воздуха.

– Эля, что с тобой?! Официант! – От неожиданности генерал-полковник вскочил, с грохотом упал стул. Но женщина его остановила:

– Не надо, все уже прошло.

– Да что случилось, Эля?

Только сейчас до Журавлева дошло услышанное. Ступор от предательства любимой женщины вдруг отступил, и все наконец встало на свои места. Сына звали Романом, внука – Андреем. Андреем... Возможно, это было совпадением, но генерал хотел думать, что мальчишку назвали в его честь. «Пацан хотел поступать в Институт разведки, простым совпадением это быть не может».

– Эля, соберись и расскажи, что случилось, – насупился Андрей Андреевич.

Чутье профессионала подсказало, случилось что-то страшное. Рука рефлекторно обхватила бокал с вином. Он выпил любимый напиток английской королевы, как обычную воду.

– Андрей выехал из посольства в аэропорт – он должен был встретить свою невесту, – и все, пропал. Машину обнаружили в пригороде Каира, больше никаких следов. Полиция и служба безопасности разводят руками, даже Рома по своим каналам ничего не смог прояснить. Я в полном отчаянии... – Элеоноре Максимовне изменила выдержка, и женщина глухо зарыдала, уткнувшись лицом в ладони. – Одна моя старинная подруга, жена того самого знакомого генерала из КГБ – теперь уже покойного, – знала о тебе и сказала, что ты занимаешь высокий пост в военной разведке. Андрей, если моего мальчика не найдут, мне незачем жить.

– Я уже давно не в военной разведке, – тихо произнес Журавлев, но, увидев, что Элеонора в отчаянии судорожно сжала руки, поспешно добавил: – Но имею определенные связи среди соответствующих служб и своего тезку обязательно найду. Пустобрехом я никогда не был, как сказал, так и будет...

Возвращаясь домой на служебной машине, Андрей Андреевич ненадолго погрузился в размышления, потом решительно достал мобильный телефон – средство связи для его личного пользования.

Войдя в базу, Журавлев отыскал фамилию «Донцов» и нажал кнопку вызова, через несколько секунд ему ответил бодрый голос:

- Донцов на проводе.
- Добрый вечер, полковник, это Журавлев. Помнишь такого?
- Так точно, здоровья желаю, товарищ генерал-полковник, – по-военному откликнулся старший опер ГУБОПа Олег Донцов.
- Это хорошо, что вспомнил. Нужно встретиться.
- Где и когда?
- Завтра, запоминай адрес...

Глава 2

Солнце закатилось за линию горизонта, и последние уходящие лучи окрасили перистые облака на небосводе пестрыми цветами, придавая им сходство с хвостом бойцового петуха. День подходил к своему завершению.

Спортивный «Опель Кадет» бирюзового цвета с перламутровым оттенком на мгновение остановился перед полосатым шлагбаумом, закрывающим въезд в подземный гараж. Молодой араб в синей униформе охранника, едва заметив подъезжающий автомобиль, поспешно нажал кнопку подъемного устройства.

«Опель» заскользил по серпантину дороги на самый нижний уровень. Парковочную площадку заливал холодный белый свет множества люминесцентных ламп, большая часть этой подземной галереи была занята автомобилями вернувшихся домой жильцов.

Встав на свободное место, машина мигнула фарами. Из салона, опустив на асфальт стройные ноги, выбралась молодая высокая женщина. С заднего сиденья она подхватила небольшой портфель и походкой манекенщицы продефилировала к лифту. Вышла из кабины на девятнадцатом этаже и своим ключом открыла дверь, покрытую темно-вишневым лаком.

Просторная квартира, оформленная в стиле хай-тек, принадлежала коммерческому директору крупной туристической фирмы «Глобус-Тур» Зульфие Мехли.

Заперев двери, она небрежно бросила портфель на диванчик в холле, сняла плащ, размотала цветастый хиджаб. Взмах головы – и по спине заструились вьющиеся черные волосы.

В спальне Алена – а звали ее именно так – сбросила одежду и нагишом прошла в ванную, где почти час нежилась в теплой воде, наслаждаясь ароматом пышной пены. Нежно-персикового цвета стены, матовые светильники, рассеивающие неяркий свет, тишина и покой – что еще нужно человеку в конце длинного, выматывающего и насыщенного событиями дня? Накопившаяся за день усталость постепенно уходила, уступая место умиротворению и расслабленности. После контрастного душа девушка ощутила прилив сил. Она набросила на влажное тело легкий халат, соорудила на голове чалму и пристально взгляделась в зеркало на полстены.

«Как же давно это было», – горько улыбнулась своему отражению Зульфия и медленно прошла в гостиную, обставленную элегантной мебелью, с задернутыми тяжелыми портьерами на окнах – молодая хозяйка предпочитала в своем жилище полумрак. Пробежав взглядом по бутылкам в баре, остановила свой выбор на французском сухом вине «Романе-Конти». На треть наполнила бокал, уселась на диван и, подогнув по себе ноги, включила телевизор. Немного пощелкав кнопками пульта дистанционного управления, нашла музыкальный канал.

Пригубив, Зульфия прикрыла веки, наслаждаясь изысканным букетом вина.

«Штирлиц в день Советской армии ел печеный картофель и пил водку, вспоминая родные березки», – с невольной улыбкой подумала она. Русские березки, трескучий мороз и снежные, метровой высоты сугробы мало трогали Мехли – по сути, России она толком не знала. Родилась в военном городке на базе в Ливии – отец, специалист по электронной разведке, командовал станцией радиоперехвата; потом были базы в Йемене и Сирии. До достижения пятнадцати лет она жила под жарким восточным солнцем среди brutальных, но веселых головорезов из спецназа. Подруг не было вовсе, поэтому едва ли не с ползунков Алена проводила все свободное время то на стрельбище, то в спортгородке и общалась, соответственно, с теми, кто там тренировался. Вот и выросла отчаянной, бесстрашной, даже немного грубоватой – настоящий сорвиголова в юбке. Знания давались ей довольно легко. Уже в пятнадцать лет, когда развалился Советский Союз и их семья вернулась в Россию,

девочка экстерном сдала экзамены за десятый выпускной класс. Мечтала стать кинозвездой, блистать на экранах телевизоров и лучезарно улыбаться с афиш, поэтому решила поступать в ГИТИС. Но ее судьбу решили другие люди...

Жарким летним днем Алена в праздничном настроении шла сдавать документы в приемную комиссию. Вдруг рядом, взвизгнув тормозами, остановилась черная «тридцать первая» «Волга» с тонированными стеклами. Распахнулась дверца, и из машины буквально вывалился широкоплечий «бультерьер» в строгом костюме и с непроницаемым лицом. Проремонстрировав девушке «краснокожее» удостоверение с золоченым орлом, пробасил:

– Гражданка Воронцова, вы проедете с нами.

Алена была девушкой умной, привыкшей к дисциплине, поэтому не стала качать права, не уточнила, какая спецслужба заинтересовалась ее скромной особой, а послушно забралась на заднее сиденье «Волги».

Через сорок минут она утопала в глубоком кресле в просторном кабинете в особняке, наверняка помнящем коронацию последнего русского императора. Ее собеседником оказался немолодой мужчина с добрым лицом.

– Здравствуйте, Алена Игоревна, меня зовут Леонид Ильич, – он церемонно представился.

«Как Брежнева», – машинально подумала девушка, вспомнив генсека, о котором слышала в детстве.

– Извините, что мы столь бесцеремонным образом вмешались в ваши планы, но это сделано не из самодурства, а исключительно в интересах государства. – Леонид Ильич неожиданно перешел на арабский язык. Только сейчас Воронцова обратила внимание на глаза собеседника – ничего не выражающие, на радушно улыбающемся лице они казались инородными, как будто принадлежали другому человеку.

Алене на мгновение почудилось, что она находится перед ученым мужем или заслуженным исследователем, а себя ощутила подопытным мышонком, которого вот-вот должны препарировать. Девушку от макушки до пят окатила волна ужаса, хотя раньше она была уверена, что ничего и никого не боится. Переборов страх, спросила:

– Вы уверены, что государству нужна именно я? – Непроизвольно Алена заговорила также на арабском.

– Абсолютно уверен. Наша служба умеет работать. Вы, Алена Игоревна, собираетесь в будущем посвятить себя Мельпомене. Конечно же, юную особу, особенно если она такая привлекательная, как вы, манит яркий свет софитов, завораживающий голос режиссера, отдающего команду к съемке, и как результат – популярность, слава, фанатичная любовь поклонников.

– А что в этом плохого?

– Ничего предосудительного, если не считать одного нюанса – какова будет реакция госпожи Фортуны? Ведь даже если вас заметит режиссер и предложит главную роль, нет никакой гарантии, что фильм получится удачным и зритель его достойно оценит. А ведь иногда достаточно одного раза, чтобы надолго, если не навсегда, выпасть из поля зрения стоющих режиссеров и до самой пенсии играть «кушать подано». – Леонид Ильич легко и непринужденно переходил с ливийского на сирийский и йеменский диалекты. – Можете поверить мне на слово: в своей жизни я встречал достаточно талантливых, одаренных людей, которым так и не предложили ни одной более-менее приличной роли.

– Вы можете предложить мне что-то более интересное? – спросила Алена. Замаячившая было перспектива влачить жалкое существование никчемной актрисульки еще больше ее напугала. О подобном пируэте судьбы она в своих грезах прежде не задумывалась.

– Можем, – с улыбкой подтвердил собеседник, на этот раз на французском языке, которым Воронцова также свободно владела благодаря матери-преподавателю. – Вы, Алена Иго-

ревна, хорошо знаете Ближний Восток, обычаи, языки, находитесь в отличной физической и психологической форме. Как вы смотрите на Институт внешней разведки? Помните, как говорят американцы: «Ты нужен стране».

Леонид Ильич не сводил взгляда с Воронцовой, ожидая ее реакции, его глаза по-прежнему оставались холодными, оценивающими, а с лица не сходила полуулыбка.

– А страну не смущает, что кандидат слишком молод? Мне едва исполнилось шестнадцать лет.

– В Японии ниндзя готовят лазутчиков с рождения, а их кланы существуют не одну сотню лет. – Теперь собеседник степенно выражался на языке Шекспира, в котором Алена не была особо сильна. – Ко всему прочему, современная наука последние годы все больше и больше развивает тему «детей-индиго». Молва наделяет их сверхъестественными способностями, но наши эксперты считают – и не без оснований, – что эта категория детишек просто развивается быстрее сверстников. Они же (эксперты) и вас отнесли к этой категории. А процесс обучения в стенах наших учебных заведений долгий и кропотливый, экстерном проскочить не получится. Слишком много дисциплин, кстати, включая актерское мастерство по системе Станиславского. Ведь разведчик многолик и должен уметь молниеносно перевоплощаться. Так что к диплому вы уже сформируетесь как взрослый человек.

– Ну, хорошо, допустим, я соглашусь, но как на это посмотрят мои родители? – вынуждена была сдать под таким напором Воронцова. – Вряд ли они согласятся. Да и как объяснить друзьям, знакомым, родственникам, где я учусь?

– С родителями вопрос мы решим, а для всех остальных вы учитесь за границей.

– Хорошо, я согласна...

Учеба действительно оказалась утомительно длинной и сверхнасыщенной. За пять лет Алена получила не только специальные знания, но и гуманитарные в полном объеме. Освоила актерское мастерство, искусство макияжа и грима, английское произношение довела до блестящего.

Последний год ее целенаправленно подводили под Египет. Алена учила язык, обычаи, заучивала расположение улиц Каира. Когда командование решило, что агент готов для внедрения, ее отправили на «холод». В Каир она прилетела из Парижа к «дяде»; по разработанной в СВР легенде, Зульфия Мехли вернулась на родину после трагической гибели родителей в автокатастрофе.

«Дядя» Саид Мехли, высокий мужчина лет пятидесяти с грубым, волевым лицом и копной густых седящих волос, провел в Египте в качестве агента-нелегала больше двадцати лет, за этот солидный срок обзаведясь в столице обширными связями благодаря налаженному торговому бизнесу. Алене «дядя» внешне напомнил любимого киноактера Леонида Маркова. Вскоре именно она должна была сменить Саида на этом посту, но это «скоро» растянулось на долгих два года. За это время девушка не только акклиматизировалась в стране – она также обрела влиятельных знакомых, а «дядя» со временем стал ее любовником, открыв истинные радости секса. Через два года Саид Мехли «скоропостижно скончался» и после «погребения» без особых опасений за свою жизнь отбыл на родину.

Алена так и не успела начать свою работу на СВР – политическая ситуация стремительно менялась, и ее переподчинили «Комитету информации», а главной и основной задачей стала борьба с международным терроризмом. «Дядин» бизнес пришлось продать и переключиться на туризм, это позволило молодой женщине путешествовать по миру в случае необходимости...

За эти годы Зульфия приняла участие в нескольких серьезных операциях по ликвидации сепаратистов. Как правило, все эти смерти были закамуфлированы под естественные.

Весь последний год ее ни разу не задействовали, и Алена невольно ощущала себя парусником, попавшим в штиль. Это затишье ее настораживало; скорее, даже тревожило не